

Николай Митрохин

Приглашенный профессор университета Хоккайдо

Самоорганизация и трансформация современных старообрядческих общин в бывшем СССР: локальные и глобальные тенденции (на примере Пермского края и Придунайской Бессарабии)

В последние три года, занимаясь с одной стороны вопросами российско-украинского конфликта, с другой стороны региональными исследованиями религиозности в РФ, мне всё чаще приходилось сталкиваться с активными действиями старообрядцев в общественно-политической сфере. Благодаря исследованиям в Пермском крае, мне в 2014 году удалось взять несколько экспертных интервью с молодыми исследователями, занимающимися старообрядчеством в этом регионе.

В них мы сфокусировались не на этнографической стороне старообрядческой жизни, не на истории религиозного движения, которые обычно становятся предметом исследований, а попробовали поговорить об актуальных формах деятельности старообрядческих общин, а также об кросс-региональных и политических связях. Среди других источников информации для данного доклада я должен указать моё интервью с настоятелем прихода Белокриницкого согласия в селе Старая Некрасовка г. Измаиле Одесской области Дмитрием Бугуновым, взятое в апреле 2016 г. Также мною было получено очень подобное интервью сделанное одним из коллег с одним из руководителей старообрядческой епархии Пермского края в 2015 г. (автор интервью и информант пожелали остаться неизвестными). Остальными источниками являются материалы светских и старообрядческих СМИ и сайтов, публикации в социальных сетях на страницах представительств населенных пунктов, где живут потомки старообрядцев.

Мне также кажется важным проводить сравнение старообрядчества со структурами РПЦ. Это поможет вывести старообрядцев из дискурсивного гетто исследований, рассматривающих их обычно как самоценный объект, не связанный с другими акторами религиозного и политического пространства постсоветских государств.

Исторически, как известно, в российской империи старообрядческое население составляло до 10% от числа православных, то есть было весьма значительным. Вероятно, большая его часть проживала достаточно компактно, причём не в отдельных селах, а в мини-регионах, образованных несколькими, близко расположенными населенными пунктами. Очевидно, что в этих местах и сейчас проживает значительное количество потомков старообрядцев.

Можно ли говорить о них как о некой специфической и сохраняющей своё значение общности? Какие формы приобретают их взаимоотношения с религией, исповедуемой предками? Насколько успешны попытки «профессиональных старообрядцев» - т.е. духовенства, общественных деятелей - «сохранить наследие» (а де-факто в постсоветских условиях – реконструировать) старообрядчество? Насколько модернизация общественной и социальной жизни за последнее столетие (и особенно за 25 лет прошедших после крушения СССР) затронула старообрядческие общины и в чём это выражается? Являются ли старообрядческие общины при этом «автохтонными» и независимыми в своей динамике (как нередко можно судить по этнографическим отчётам), или же можно говорить об их связях между собой и определяемых этими связями общих тенденциях?

На эти вопросы автор предлагаемого Вашему вниманию текста (являющегося развернутым вариантом тезисов к докладу прочитанному 28 января 2017 г. в университете Тенри, Нара, Япония) и попробует ответить.

Старообрядцы, признающие себя членами старообрядческих религиозных общин, по-прежнему представляют собой исчезающее этно-культурное меньшинство, даже в микрорегионах, которые считаются старообрядческими. Процесс урбанизации продолжает своё интенсивное воздействие на сельскую местность, не избегая населенных пунктов, где традиционно жили старообрядцы и в наибольшей степени сохранялись обрядовые практики и общинные формы взаимодействия. Строгие правила, которыми руководствуются старообрядцы, отталкивают от них большинство современных людей. В то же время, на легализовавшемся в перестройку конкурентном рынке религиозных идей и практик, они привлекательны для немногочисленных энтузиастов «строгости в вере», а также для потомков старообрядцев. Поддержание сложных обрядов и приобщение к малочисленному религиозному community позволяет им идентифицировать себя как особых людей.

Всё это в целом ряде мест приводит к очевидному обновлению состава прихожан старообрядческих общин, увеличение в них числа людей среднего возраста, экономически и социально активных.

В крупных городах формируются прослойка старообрядцев-интеллектуалов, из числа академических (преимущественно гуманитарных) специалистов, сотрудников спецслужб, пусть и не самого высокого полета. Многие из них перешли в старообрядчество вследствие идейных исканий, а не для сохранения семейного наследия.

В целом данный процесс напоминает «возрождение православия» в рамках Русской православной церкви (далее – РПЦ). Там в 2000-е годы также шел процесс интенсивного сокращения сельской и гендерно практически однородной массы прихожан. Однако он компенсировался незначительным ростом городских общин, и, что более важно, их радикальным омоложением.

В силу ограниченности возможностей активисты старообрядчества в настоящее время заняты концентрацией усилий на развитии локальных проектов в определенных населенных пунктах или районах, или местах в городском пространстве¹. Данный процесс в лучших случаях напоминает создание христианских общин на американском континенте и старообрядческие сообщества дореволюционной эпохи. Некоторые старообрядческие священники стремятся к созданию сообществ единоверцев, крепко связанных между собой совместными или взаимосвязанными экономическими проектами, а также совместно воспитывающими детей и женами «на своих» молодежь. Ей далее предстоит воспроизводить эти отношения и общину в целом. (В РПЦ подобный процесс почти не заметен, хотя отдельные общины подобного типа существуют.)

В частности, в г. Верещагино Верещагинского района Пермского края (центре исторически заселенной старообрядцами территории, которая включает в себя четыре современных административных района региона «Верхнекамье» на границе Пермского края и Удмуртии) усилиями харизматичного священника, благочинного приходов Пермского края РПСЦ протоиерея Валерия Шабашова сложилась подобная крупная община. В ней он служит с 1985 г.

Община растет и проявляет активность за счет трех основных сфер деятельности о. Валерия. Его, нетривиальное для старообрядцев миссионерство, позволяет вовлекать в неё большое количество новых членов. Это преимущественно потомки старообрядцев (как белокрыницкого согласия, так и беспоповцев), проживающие в данном традиционном для

---

¹ Существенно, что старообрядцы в ходе передачи религиозного имущества продолжают получать от государства храмы. Например, 10 января 2017 г. руководство Саратовской области заявило, что собирается передать старообрядцам комплекс зданий бывшего Черемшанского мужского монастыря в г. Хвалынске.

них регионе. Дело дошло до организации многодневных крестных ходов, последние из которых старообрядцы организовывали, видимо, ещё до революции. Он мотивирует членов общины на занятие предпринимательством и взаимопомощь в экономической сфере. И, наконец, о. Валерий организует энергичную защиту интересов сложившегося старообрядческого сообщества. Она включает в себя как политическое лоббирование (открытое и скрытое) в структурах местной власти, так, в случае необходимости, и мобилизацию неформальных силовых групп.

Обратный пример даёт община села Старая Некрасовка в Измаильском районе Одесской области. Это крупное (более 3000 жителей) село на украино-румынской границе, находящееся в центре традиционного старообрядческого микрорегиона Придунайской Бессарабии и являющееся фактически пригородом крупного города, второго по значимости в области. Настоятелем там с 2014 г. является гражданин России о. Димитрий Бугунов. Однако в Старой Некрасовке, в отличие от Верецагино подобных форм самоорганизации ни при старом, ни при новом священнике не сложилось, хотя обновление состава общины идет. Члены общины по словам настоятеля чувствуют на себе давление с разных сторон и не могут этому организованно противостоять. Это говорит о том, что внутри старообрядческого сообщества (обе анализируемые общины принадлежат к Белокрыницкой иерархии) отсутствует общий способ действий и одинаковые тенденции.

Вместе с тем, в данном и других случаях нельзя говорить о том, что верещагинский опыт связан исключительно с личностью настоятеля общины и не может быть мультиплицирован полностью или частично (те же старообрядческие крестные ходы появились, например, в Кировской области).

Старообрядческие общины за последние 25 лет отстроили несколько обширных и неплохо скоординированных сетей. Некоторые из них выглядят тривиально, другие не очень.

В первую очередь старообрядческие общины связаны между собой через систему профессиональных СМИ и интернет-сайтов. Это достаточное по масштабам явление, чтобы полностью покрывать информационные потребности сообщества. Оно особенно важно в условиях почти полного отсутствия трансляции актуальных старообрядческих новостей через общедоступные СМИ. В то же время в нем развиваются новые форматы презентации себя в обществе, что в частности обсуждалось на первой для РПСЦ встрече церковной общественности, прошедшей 17 января 2017 г. в Рогожской слободе. В частности, идет речь об открытии частичного доступа в храмы для людей не являющихся членами общин.

Во-вторых, старообрядческие общины связаны между собой матримониальными отношениями. В стремлении сохранить своих детей от греха, старообрядческие активисты организуют множество молодежных мероприятий в различных регионах, основная цель которых – обеспечить им выбор брачного партнера из числа старообрядцев. Поскольку, как говорилось выше, старообрядцев не слишком много, а, следовательно, выбор для молодых людей в своей общине ограничен, то молодежь активно посещает эти мероприятия в других регионах, обеспечивая «обмен кадрами» и налаживая связи. О. Димитрий, в частности, попал в Старую Некрасовку из Омска через женитьбу на уроженке этих мест.

В-третьих, у старообрядцев существует своеобразный «рынок» священников. В результате сохраняющегося их дефицита, происходит их перераспределение из регионов, где их относительно много (в первую очередь, ряд центральных областей России и Сибири) в другие регионы России и постсоветского пространства (Украину, Молдову).

И, наконец, можно предположить активные старообрядцы связаны между собой общими политическими взглядами. В рамках электоральной системы с официальной позицией РПСЦ –

поддержка «Единой России». Митрополит Корнилий даже предпочёл участие в съезде «Единой России» первому в истории РПСЦ собранию общественности 17 января 2017 г. Вместе с тем личные политические взгляды старообрядческих активистов куда более радикальны. Они склоняются к поддержке крайне правых, если не радикальных форм русского национализма. Недаром один из ключевых идеологов неоимперского консервативного радикализма в современной России Александр Дугин длительное время был прихожанином Покровского кафедрального собора РПСЦ в Рогожской слободе.

Одной из основных форм реализации подобных взглядов является поддержка старообрядческого казачества – являющегося, несмотря на всю архаичную риторику и униформу, системой парамилитаристских организаций. Несмотря на публично декларируемые цели «возрождения традиций», тон в них задают бывшие и действующие военные, а также офицеры спецслужб.

Подобная «казачья дружина» была создана при Рогожской общине, попытка её создания была и в Верещагино. Не удивительно, что казаки, принадлежащие к старообрядчеству, отметились в праворадикальной террористической активности на территории России. Например, широко известно дело группировки «Спас», возглавляемой казаком-старообрядцем белокрыницкого согласия и убежденным неонацистом Николаем Королевым. Он был осужден к пожизненному заключению в 2008 г. за организацию взрывов и убийств в Москве. Казаки-старообрядцы активно участвовали и в войне на Донбассе, на стороне пророссийских боевиков.

Если говорить о выводах из этого доклада, то мне кажется важным остановиться на двух пунктах. «Старообрядчество», как культурный и религиозный феномен – безусловно «возрождается». Точнее можно говорить о процессе конструирования новой идентичности, которая с одной стороны имеет несомненные связи с предыдущими стадиями развития этого феномена (как в дореволюционный, так и в советский период), с другой стороны она наделена и новыми чертами. В частности, старообрядчество становится всё более городским и образованным, и продолжает исчезать как компактно проживающий, преимущественно сельский, социум. РПСЦ похоже укрепляется, как с точки зрения организационной структуры, так и с точки зрения усиления части городских общин. Слабо организованные группы, прежде всего беспоповцы, продолжают стремительно исчезать. Это, например, происходит с общиной в с. Сепач Верещагинского района исторически являвшимся центром старообрядчества в Верхнекамском регионе. В настоящее время она сократилась до 20 человек.

Пример Верещагино наглядно демонстрирует возможность не просто «сохранения» старообрядчества, но и превращения общины в экономическую и политическую силу местного значения. Как говорилось в начале данного текста, на постсоветском пространстве сохраняется множество «локусов», где проживают потомки старообрядческого населения, в том числе небольшие города со значительным процентом потомков старообрядцев, имеющие перспективу сохранения и развития. В условиях низкой электоральной активности основной массы населения одно только сплоченное голосование членов крупных общин (не говоря о прочих способах политического действия и лоббирование) способно оказать существенное влияние на формирование политики на местном (городском, районном) уровне.

Однако, для того, чтобы уверенно говорить об этом, необходимы дальнейшие исследования. Они могли бы прежде всего касаться тех регионов, где «возрождение» старообрядчества наиболее очевидно (например, Кировской, Нижегородской и Тверской областей РФ, а также

Татарстана) или сохраняются значительные группы потомков старообрядческого населения (например, придунайская Бессарабия, восток Московской области, Брянская область).